

УСАДЬБА ПОД ТУЛОЙ

В писательском автобусе отправилась я как-то в былые годы из московского Центрального дома литераторов в Ясную Поляну, в усадьбу Толстого под Тулой. Как они все же раскидисты – одинокие дубы равнин! Вот один такой дуб, другой, третий... Какой из них вырос из семени того дуба, который видел Андрей Болконский? Каким он был, тот дуб, попавший в поле острого зрения Льва Толстого? Правда, князь Андрей ехал в рязанское имение своего сына. Так, может, потомство того дуба следует искать в той стороне, а не на этой дороге, по которой не раз ездил и даже хаживал пешком Толстой?

Фантазия, скажете вы, необязательность какого-нибудь определенного прототипа? После Генриха Шлимана любой гениальный текст ддя меня еще и топографически точен.

Помню при въезде в Ясную шум деревьев, похожий на звук струящейся воды. Тишину и этот шум.

Старинное фамильное кладбище у церкви. Кладбище графов Волконских. Простая могила Софьи Андреевны, при жизни хотевшей много больше, чем должна была бы хотеть жена Толстого. И вот итог – только холмик и простой крест. Помни, помни об этом, живущий!

Мы посетили усадьбу в июне. Народу было много, сосредоточиться было почти невозможно, все аллеи были заполнены посетителями. Осталось впечатление не усадьбы одинокого мыслителя, а городского парка в воскресный день. Какая-то суетливая усадьба. И я снова свернула на кладбище.

Тетушка Ергольская. Я погладила камень надгробия. И представила себе тихие, уютные беседы еще молодого, неженатого Льва Николаевича с тетушкой яснополянскими вечерами. Как много воспоминаний было у него связано с ней. Перед ним вставала в этих беседах мать. Этим все сказано.

Неподалеку от могилы Ергольской росли две старые, кряжистые березы, широкие в обхвате и очень высокие. Таких я еще не видела.

И этот скромный склеп Волконских – склеп графов? У них, что, опрощение было в крови? Вот они истоки толстовства.

Вечером, когда посетителей стало меньше, мы пошли к месту “зеленой палочки”, к могиле Толстого. Липа и клен, а за могилой тут же рядом – овраг. Сухой, неглубокий. Здесь слилась с необъятностью его душа, навеки ушло тело, переставшее надежно служить этой душе. Оно само теперь, вероятно, стало оврагом и корнями липы и клена.

Жизнь вечная так же скромна у него, как и жизнь земная. 1910-й год сомкнулся с 1828-м, когда у тихой мечтательной и

печальной Марии родился мальчик, который занял собой целое столетие и вслед за Петром оборотил к России мир.

Вот и отгадка “зеленой палочки”: это счастье России. Только зачем эта изгородь у могилы Толстого? Почему не выполнить его желания до конца? А что если бы так: за поворотом аллеи без всякого предупреждения – вдруг простой земляной холмик. Кто этот безвестный? Одна из самых великих когда-либо живших на русской земле душ.

Единственное, чего я не могу понять, – не очень существенное, конечно, – зачем ему захотелось лежать отдельно? Почему не на старом фамильном кладбище? Пусть могила проста до предела, но зачем отъединяться от тех, кто породил его и кого он продолжил? Ведь он вынес в большой мир лучшее от всех Волконских. Надо было бы лежать рядом с горячо любимым братом Николаем. Если уж полное опрощение, то зачем ему могила, на которую ходят отдельно? И “зеленая палочка” не все здесь объясняет. Даже сознавая свое значение и даже именно потому – следовало быть вместе со всеми. Семья, род – ты так же ответствен за них, как и они за тебя. И если твои близкие триста лет ложились друг подле друга, тебе, лучшему среди них, следовало, не задумываясь, подкрепить их этой близостью к ним.

Особая простота могилы – тут он мог позволить себе слегка отойти от заветов. Хотя, как видим, и они отличались тем же. Эта простота прекрасна, трудно даже выразить, до чего это велико. Но эту простоту надо было только перенести к “родному пепелищу”, к семейным гробам – вот и все.

Но, кажется, я веду речь об упущениях Толстого... Однако! Он был слишком велик, чтобы не вступить за малое. В любом смысле. Да и “зеленая палочка” говорит нам о глубоком осознании им своих корней. Всего же более нам говорит об этом его безмерная любовь к матери, к той, которую он смутно помнил, но которая все свое неутоление вложила в него, взошла в нем и улыбнулась нам и одарила нас своей мукой.

А как любил он князя Андрея! Все, все отдал ему: и дуб, и небо Аустерлица, и великое свое нетерпение, и свои мысли, и слезы, и даже свою усталость. Что за обилие! Боже мой, как это мог вместить в себя один человек, если этот человек не Лев Толстой!

Наполеон, объезжающий поле после сражения, и раненый князь Андрей с древком знамени в руке – да это ведь у Толстого равные величины! Вот куда он простерся, этот Лев.

Я ловлю себя на мысли, что страстно обсуждаю то великое своеволие, которое зовется гением. Могучая душа, сама творящая свои законы. Да, да, на поле Аустерлица

Встретились великий мыслитель и великий полководец. И этим мыслителем был сам Лев Толстой. Слегка опоздав с рождением, он неукротимой творческой волей возвратил себя в славное прошлое своей отчизны. Знамя России сжимала рука одного из ее величайших людей. Равное встретилось с равным.

Перед самым отъездом из Ясной Поляны случился забавный эпизод, слегка приглушивший пафос всех прочих мыслей. Заглянув в меню столовой возле въезда в усадьбу, я воскликнула: “И это на земле Толстого!” Не вникнув в смысл моего возгласа, бедная девушка-официантка перечисляла: печень по-строгановски, шницель и эскалоп из свинины. Вот что предлагали вам на земле вегетарианца, на земле человека, объятого святым и священным состраданием к любой жизни — и человека, и животных. А ведь вегетарианская столовая была бы здесь не просто уместна: она была бы как последняя точка над “i” — последний прекрасный штрих после возвышенных и возвышающих размышлений в аллеях усадьбы. А холодный эскалоп из свинины...

А вообще-то вегетарианство является частью того целостного мирозерцания, которое можно охарактеризовать словами Альберта Швейцера — благоговение перед жизнью. Перед всякой жизнью. Это называют дзен-буддизм (правильнее все-таки чань-буддизм, ибо истоки его в Китае). Это мирозерцание необыкновенно глубоко передано в “Смерти Ивана Ильича”. Сколько же вершин может быть в творчестве одного человека!